

- Вы все время в разъездах – бесконечная череда концертов то там, то здесь. Просто не присаживаетесь. И сейчас ведь в Москву прямо из Афин прилетели, не езжая домой, в Питер?

– Да, был в Греции. Но не с концертами. Просто заехал к своей старой подруге, писательнице Татьяне Толстой. Ее муж работает на Крите, и она какую-то часть года проводит там. Больше ничего в Греции я толком и не посмотрел. Но и Крита вполне хватило – это одно из красивейших мест, какие мне доводилось видеть. Совершенно особая цивилизация, ни на что в мире не похожая. Вообще здорово, когда куда-то едешь не выступать, а как турист. Никому

Положение, которое занимает Борис Борисыч Гребенчиков в музыкальном мире, весьма противоречиво и чревато для настоящего рок-н-ролла. Он, как ни крути, мэтр, ветеран, «папа» русского рока. По идее давно пора остепениться, погрузиться в высокомерную ленту и спокойно почивать на лаврах, благо запаса регалий и славы хватит на много лет вперед. А он все не унимается, ежесезонно выдает на-гора такое количество новых песен, что хватило бы на пятерых вполне трудоспособных сочинителей, и каждый год предлагает публике по несколько новых программ. Вот и очередная подоспела – «Стоп-машина», с которой Гребенчиков и его «Аквариум» выступят в Театре оперетты 22 и 23 декабря.

Борис ГРЕБЕНЧИКОВ:

ДАЖЕ ЛЕГИОН СВЯТЫХ НЕ ЗАСТАВИТ МЕНЯ ЗАМОЛЧАТЬ

ничего не должен. Встаешь когда хочешь, идешь куда хочешь, пьешь сколько хочешь.

– Очередь выходит ваш новый альбом, снова незнакомую программу в столицу привезли. У вас, похоже, второе дыхание открылось в последние годы. Вы ведь раньше так много не писали?

– Моя песенная производительность всегда была примерно одинаковой. С моей-то точки зрения, я все время в творческом кризисе. Всегда мучаюсь оттого, что пишу мало новых песен. Потом, когда выпускаешь два альбома за год, оказывается, что их не так уж и мало. Но пока сделаешь новую вещь, кажется, что вечность проходит. Боб Дилан рассказывал, что свою знаменитую «Forever young» сочинял восемь лет. Со мной такого не случалось, но минимум год на то, чтобы довести песню до ума, уходит точно. И весь этот год ненаписанная вещь преследует меня двадцать четыре часа в сутки. А если таких

вещей сразу несколько – это уже полный кошмар! Начинаешь натурально сходить с ума.

– Недавно вы выпустили альбом, где поете песни Окуджавы. Многие считают, что это у вас получилось лучше, чем перепевки Вертинского в 80-х...

– Просто Окуджава мне ближе по-человечески. От Вертинского в моем исполнении мало что осталось, а здесь ничего и выдумывать не надо было. Первые песни, которые я начал петь, как только освоил в двенадцать лет гитару, – это песни «Битлз», Высоцкого и Окуджавы.

– А когда ваши собственные вещи переделывают, не корбит? Вот модная питерская группа «Текиладжаззз» на своем по-

чувствую, я просто не понял бы такого отношения. Человека, который станет с подобострастием заглядывать мне в рот, я не могу воспринимать как нормального.

– Лет десять-двенадцать назад вы усиленно стремились утвердиться на западном музыкальном рынке. А потом эти усилия как-то сошли на нет. Не получилось прорваться или просто желание пропало?

– В 87-м, когда я записывал в Америке свой альбом «Radio Silence», здесь все-таки еще было душилово. Хотелось вырваться. Да к тому же представился шанс поиграть с великими. Это была отличная школа. Но никакого иступленного стремления завоевать западную публику у меня не было и нет. Знаете, сейчас я даже с некоторой неохотой выезжаю из России с концертами. Не очень верю в понятность и нужность русской культуры за границей. Для меня концерт где-нибудь в Туле гораздо интереснее и приятнее, чем выступле-

мает такими, какие они есть. Им не надо для этого ни подо что подделываться. А с нами такой номер не проходит. Потому что в России в настоящей песне всегда главенствует язык, слово. Сколько я ни играл с американцами, англичанами, французами – почти никто из них не интересовался, о чем мои песни. Для них текст – это как заклинание, как фон для аккордов. А в моих-то песнях поэзия – главное. Я вообще не играю в то, что я музыкант. В сущности, я таковым не являюсь. Просто я пою песни со словами, которые важнее музыки. И абсурдно пытаться сделать на этом деньги.

– Знаменитый Гребенчиков будет утверждать, что для него ничего не значит деньги?

– Во все времена все мудрые люди понимали, что не имеет смысла суетиться ради денег. Бог и так даст тебе все что нужно, если ты гармоничный человек. У меня, например, все альбомы были убыточными. Даже те, которые расходились огромным тиражом. Ни один прибыль не дал. Затраты на запись и то не окупаются. Я и мои музыканты живем только за счет концертов и благотворительности добрых людей, которые хотят нам помочь. Есть на что прокормить себя и детей – и замечательно.

– Вы, наверное, испытываете ностальгию по 80-м, по временам питерского рок-клуба? Вот уж где царили абсолютный альтруизм и бесбревенчество!

– Ни малейшей ностальгии не испытываю. Ее могут испытывать те, кто знает о тех временах понаслышке и не представляет себе, сколько там было неприятных вещей. Хотя, объективно говоря, КГБ тогда оказал нам

окончательно перебраться в Москву...

– Нет, я бы просто не осилил переезд физически. К чему зря растрчивать энергию? Москва – город, где люди искусства просто обязаны вести активную публичную жизнь. А для меня невыносима ситуация, когда приходится для чего-то идти в какой-то клуб или на прием, не испытывая при этом непреодолимого желания там появиться.

– Родной Петербург вдохновляет вас больше?

– Да я и в Петербурге живу в общей сложности полтора-два месяца в году. Все остальное время – гастроли и путешествия. В идеале у человека вообще не должно быть дома. Как говорили древние китайские философы, идеальное состояние – ни пола под ногами, ни крыши над головой. Тогда тебя ничто не держит. Все, что я написал за последние десять лет, сочинено в дороге. Скажем, «Гертруда» была задумана в Питере, первый вариант был написан в Туле, второй – в Стокгольме, а окончательный – в Катманду. Да и какая разница, где приходит в голову песня. Это может просто в машине случиться.

– Вы сами водите или предпочитаете ездить с шофером?

– Никогда никому не позволял сесть за руль своей машины. Только сам. Хотя у меня и зрение не ахти. Люди вот думают, что мои неизменные очки – «хамелеоны» – это «понты» такие. А это сугубо медицинская мера. Но машина – тот самый кайф, от которого мне очень трудно отказаться. И за границей всегда стараюсь поездить. Разве что в Индии и в Непале не решился сам управлять автомобилем. Как там ездят – это просто безумие! Дикие скорости, обгон в третьем ряду, на горной дороге. Пешеходных переходов не существует в принципе. В Катманду на весь город один-единственный светофор. Но жители к нему так и не привыкли – практически не реагируют. Советую съездить в Индию или в Непал, хотя бы для того, чтобы прокатиться с местным водителем. Острейшее ощущение!

– А на Новый год куда пойдете?

– Вот на Новый год – никуда. Этот праздник – только дома. Это святое. Надо быть с семьей – с женой и с детьми. У нас четверо на двоих. Старшая дочь, правда, живет здесь, в Москве, играет во МХАТе. А трое других – с нами.

– Большая толпа собирается у вас по праздникам?

– В моей питерской квартире каждый день толпа. У каждого из детей минимум дюжина добрых приятелей. Когда я вечером возвращаюсь из студии или с концерта, то пробираюсь на кухню мимо целой коммуны. Но меня это абсолютно не напрягает. Люди, любовь к ним, желание с ними общаться и доставлять им положительные эмоции – это, пожалуй, моя единственная магия. Кроме песен, само собой.

– Но вы же думаете о том, что когда-то надо будет уходить со сцены?

– Совсем не думаю. Даже если легион святых придет ко мне и скажет: «Все, Боря, завязывай!», я отвечу: «Ребята, вы идите погуляйте, а если я вдруг решу, что пора завязывать, я вам сам скажу».

ФОТО КОНСТАНТИНА ЛЕОНОВА

Арсений
СУХОВЕРХОВ

следнем альбоме выдала весьма жесткий и шумный вариант «Лебединой стали»...

– Если кому-то хочется исполнять мои песни, пожалуйста, я только рад буду. Было бы время, сам бы записал буквально все, что мне нравится у других музыкантов. А «Текилу» я очень люблю. Они плохо делают просто не могут. Хотя это абсолютно не моя музыка.

– Какие у вас вообще отношения с молодыми группами?

– А много ли их, молодых-то, появилось за последнее время? Ну, с Сашей Васильевым из «Сплина» в гости друг к другу ходим. Еще какие-то есть приятели из тех, кто запел уже в 90-е. Нормальные отношения. Общаемся абсолютно на равных.

– Но поговаривают, что вы с теми, кто помоложе да «позеленее», ведете себя как эдакий гуру и явно претендуете на поклонение...

– Про меня много чего поговаривают. Никаким гуру я себя не

в самом престижном зале Нью-Йорка. И в «конвертируемости» русского рок-н-ролла или поп-музыки я не верю. Люди, которые рвутся покорять новые рынки, абсолютно не понимают, что такое на самом деле музыка. А музыка – это лекарство, которое дает человеку душевный баланс. И то, что создается в России, пригодно именно для тех, кто родился и живет здесь, кто воспитан на этой культуре, на этом языке. Их организм приспособлен для такого лекарства. Организм американца или англичанина – нет. А видеть в музыке вместо целительного средства товар для экспорта – это все равно что торговать иконами. Любимый старый иконщик вам подтвердит, что Бог за такую торговлю наказывает. И музыкантов наказывает тоже.

– Но ведь Дилана или «Битлз» тиражируют и слушают во всем мире. Это что – продажа икон?

– Нет. Потому что это – естественный процесс. Их мир прини-

большую услугу, собрав музыкантов под крышу, дав им репетиционные точки, аппаратуру. Думали, что так будет удобнее контролировать, а получили мощную неуправляемую волну, которая сокрушила господствующую идеологию. Не рассчитали.

– Так вы утверждаете, что легендарный питерский рок-клуб был инспирирован КГБ?

– Сам видел. Госбезопасность защищала музыкантов от нападок партийных органов. Очень смешно. Хотя были и невеселые моменты – наружное наблюдение, например. Под моими окнами каждый день дежурила черная «Волга». И я прекрасно понимал, что в любой компании, которая собирается у меня дома, обязательно сидит хотя бы один стукач, который совсем как «своей» наливает водочку, режет колбаску и меланхолично подпевает.

– Еще недавно ходили упорные слухи, что вы собрались